

ЭТНИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА БОЛЬШЕВИКОВ В СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРНО-ШОРСКОГО РАЙОНА)*Л. С. Борина*

В статье анализируются этнические последствия национально-государственного строительства большевиков в Сибири.

The article presents the ethnical results of Bolshevik national-state building in Siberia.

Ключевые слова: этнос, кузнецкие татары, шорцы, этническое самосознание, национально-государственное строительство.

Общепризнано, что в начале XX в. на территории Сибири не было сложившихся этносов, а уже к середине 20-х гг. того же века этническая карта Сибири была представлена «социалистическими нациями и народностями». Возникает вопрос о причинах столь быстрой трансформации родоплеменных структур в этнические и факторах, оказавших влияние на этот процесс. Это тем более важно, что судить о наличии или отсутствии сложившихся этносов можно только по одному признаку – наличию (отсутствию) этнического самосознания, выраженного в употреблении членами всей группы для обозначения себя (как для «своих», так и для «чужих») единого устойчивого самоназвания – этнонима. Поиск ответов на поставленный вопрос заставляет обратиться к анализу этнических последствий национально-государственного строительства большевиков в Сибири.

После прихода к власти большевики стали реализовывать свое программное требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»[1] в форме территориальной автономии. При этом как на теоретическом уровне, так в практической деятельности целый ряд последствий реализации принципа территориальной автономии не был в достаточной степени осознан или просто игнорировался. Дело в том, что территориальная автономия достаточно успешно «может быть реализована только в случае компактного проживания национального меньшинства и его преобладания на этой территории» [2]. В случае же, когда члены этноса дисперсно проживают на территории, выделенной в национально-государственную единицу, они с неизбежностью превращаются в этнические меньшинства. Именно эти противоречия территориальной автономии были очевидными для политических оппонентов большевиков, отстаивавших принцип национально-культурной автономии.

Далеко не все было так просто и с политической общностью – «нацией», которую на практике отождествляли с культурной общностью – этносом. В целом под нацией большевики имели в виду не только народы, имеющие государственность или стремившиеся к ее созданию, но и те, процесс консолидации которых находился на ранней стадии. Между тем в начале XX в. лишь немногие народы Сибири стремились к национально-государственной самостоятельности. Да и в среде этих народов идеи самоопределения были привлекательными, в первую очередь, для национальной интеллигенции и буржуазии, которые своей деятельностью вырабатывают этническое самосознание. В целом процесс

оформления этнической элиты у большинства автохтонов Сибири только начинался. Одной из причин этого была политика царского правительства, предусматривавшая включение родо-племенной верхушки покоренных народов в бюрократический аппарат. Следствием такой политики являлось сдерживание роста национализма, являвшегося важным компонентом этнического самосознания. Наиболее общим объяснением отсутствия стремления к национальной государственности является уровень развития народов Сибири, которые, как мы уже отмечали, в абсолютном большинстве случаев были представлены родо-племенными группами.

В Сибири, как и во всей России, большевики стали реализовывать свою национальную политику в форме создания национально-государственных образований различного уровня. Национально-государственное строительство охватывало широкий круг народов, имело гибкие формы территориальной автономии. Для остальных в социально-экономическом плане народов создавались национальные округа в составе отдельных краев и областей, а для малых народов и этнических групп – национальные районы, что являлось осуществлением на практике территориальных форм национально-культурной автономии. Осуществлялись и ее экстерриториальные формы в виде национальных издательств, школ и т. д. Однако в ходе процесса создания национально-государственных образований уровень этнической сформированности отдельных народов нередко завывшался: в их состав включались близкородственные, но этнически неопределенные родовые группы. Именно такой была ситуация с созданием в 1926 г. Горно-Шорцевого района, который был выделен в границах проживания основной массы родственных, но очень сильно отличающихся по языку, культуре и уровню социально-экономического развития родовых групп абинцев и шорцев.

В целом результаты национально-политического курса, осуществленного в Сибири на протяжении 1920-1930-х гг. большевиками, были неоднозначными. Отдельные племена и родовые группы консолидировались в «социалистические нации и народности» со своими литературными языками, социальной структурой индустриального типа, хозяйственной специализацией во внутрисоюзном разделении труда, но это была слишком быстрая, во многом искусственная консолидация. Не случайно подобные образования были неустойчивыми, аморфными. Да и границы создаваемых национально-государственных образований проводились произвольно, без учета очень сложной картины расселе-

ния. Была оказана значительная помощь в создании местной индустрии, но кадры специалистов и промышленных рабочих формировались преимущественно из пришлого населения. Да и ориентация исключительно на принцип самоопределения снижала роль такого инструмента национальной политики, как культурно-национальная автономия, что способствовало ассимиляционным процессам.

Одним из следствий политики большевиков явилось ускорение формирования этнического самосознания тех народов, в отношении которых реализовывалась национальная политика. Представляется, что этот процесс имел существенные отличия у народов, процесс этнического самоопределения которых к 1917 г. шел достаточно интенсивно, и тех, у которых этот процесс только начинался. К первым можно отнести алтайцев и хакасов [3], а к последним кузнецких татар, очень условно объединенных научным термином В.В. Радлова «шорцы», которому в начале XX в. стали придавать этнический смысл.

Применительно к шорцам как нельзя лучше подтверждается справедливость положения о том, что «на практике обычно не народы самоопределяются, а их «самоопределяют» [4]. Сам этнос никогда не выступает в качестве сознательного, активного и монолитного борца за что бы то ни было, в том числе и за политическую самостоятельность. Всегда такую роль играют политические группировки, претендующие на выражение интересов своего этноса, на практике они же формулируют эти интересы и пытаются внедрить их в сознание соплеменников, хотя очевидно, что у этноса не может быть единых интересов. «Требование самоопределения обычно есть не выражение единой и общей воли этноса, а фальсификация ее этнической элитой» [4], – отмечает С. В. Чешко. Для основной массы автохтонного населения конечные цели проводимых «преобразований не всегда были ясны» [5] в силу их исключительно высоких темпов и низкого культурного уровня населения.

Ситуация с этнической самоидентификацией «шорцев» была очень сложной. Не случайно с 1918 г. постоянно обсуждался вопрос о присоединении территорий, населенных ими, к тому или иному государственному или административному образованию на Алтае [6].

Возникающие сложности объяснялись тем, что многочисленные группы кузнецких татар не считали себя единым народом, а процесс формирования национальной интеллигенции, которая могла бы выдвинуть объединяющую всех национальную идею, у них только начинался. Поэтому выделение их в качестве самостоятельного этноса во многом зависел от экстраэтнических факторов: от ситуации на Алтае, от административного деления, тем более, что административные границы нередко становятся границами этническими, от перспектив экономического развития региона, а главное от того, признавало их государство самостоятельным этносом – шорцами – или нет.

Условия для национального самоопределения кузнецких татар были созданы после восстановления Советской власти на юге Сибири. В 1920 г. при

Сибирском революционном комитете (Сибревкоме) был создан отдел по делам национальностей, в который вошел Томский подотдел, а в январе 1921 г. создается Кузнецкий уездный подотдел с секцией «татар-шорцев» во главе с Побызаковым [7].

На состоявшемся в июле 1921 г. в Томске совещании представителей коренного тюркоязычного населения Бийского, Ачинского и Кузнецкого уездов по национальным вопросам, С. Конзычаков предложил образовать в составе РСФСР автономную республику Ойрот, в которую вошли бы все тюркоязычные народы Южной Сибири. Основанием для этого предложения являлся вывод об этническом единстве народов Саяно-Алтая [8]. Эту идею отстаивало руководство Алтайского губернского комитета по делам национальностей (Алтгубнац). Для окончательного решения это предложение было передано в Наркомат по национальным вопросам (Наркомнац). Однако Сибирское бюро ЦК РКП(б) (Сиббюро) признало создание такой республики нецелесообразным. Указанное решение обосновывалось тем, что подобная республика не являла собой целостное образование ни в географическом, ни в экономическом отношении. Сам проект был признан националистическим [6].

Несмотря на решение Сиббюро, С. Конзычаков получил согласие на образование Ойрот-Хакасской автономной области, куда должны были войти и шорцы Кузнецкого уезда. В ноябре 1921 г. предложение С. Конзычакова вместе с заключениями Сиббюро и Наркомнаца были вынесены на заседание Организационного бюро ЦК РКП(б) (Оргбюро), где идея создания Ойротии была отвергнута, хотя необходимость образования национальной автономии на территории Горного Алтая не отрицалась.

В марте 1922 г. Сибревком вновь вернулся к вопросу об Ойротии, но без включения в её состав татар-шорцев, так как было принято решение рассмотреть их этнический состав и экономическое тяготение. Вопрос о создании Ойротии в дальнейшем неоднократно рассматривался в Наркомнаце, Сиббюро ЦК РКП(б), в ЦК РКП(б). До начала 1930-х гг. продолжалось обсуждение вопроса о присоединении Шории к Ойротии или Хакасии в среде алтайской и хакасской интеллигенции. Подобные предложения, имевшие цель укрепить национальную государственность шорцев, поступали и в Сибирский краевой исполнительный комитет (Сибкрайисполком), однако поддержки не получили.

В 1921 г. по решению Национального отдела Сибревкома на юг Томской губернии, где проживали шорцы, для проведения обследований условий их жизни была направлена экспедиция. По ее рекомендациям шорцам-охотникам было решено возвратить изъятые ружья. Все долги скупщикам были отменены, а промысловые угодья национализированы.

Начали организовываться первые промысловые и лесосплавные артели. Открылись Мрасская и Кондомская фактории, что обеспечило снабжение шорских охотничьих хозяйств боеприпасами, ружьями, продуктами, промышленными товарами. Одновременно началась пропаганда передовых методов ведения хозяйства, и были приняты меры для преодоле-

ния культурной отсталости: открыты 10 школ для 243 учащихся, детский дом в пос. Кабырза для 30 воспитанников, началась подготовка национальных кадров, для чего 10 человек были отправлены на учебу в Сибирскую интернациональную школу и Коммунистический университет. Было признано, что «изо всех народностей Томской губернии особо тяжелыми условиями хозяйства и быта выделяются два – татары-шорцы и остяко-самоеды» [9]. Основным фактором, «парализовавшим развитие хозяйственной жизни и культурного строительства в районе расселения татар-шорцев, является почти полное отсутствие путей и средств сообщения за исключением верховых троп и вьючного способа перевозок» [9].

С началом районирования Сибири (1923 – 1924 г.) Томский губисполком дважды возвращался к вопросу о включении шорцев, проживающих в Кондомской, Верхне-Кондомской, Мрасской и Томской волостях, в состав Ойротии. На этой территории проживало, по данным 1920 г., 11008 человек, т. е. 78 % от общего числа шорцев. Остальные 22 % шорского населения должны были остаться в Томской губернии [9]. Специальная комиссия отнеслась к этой идее отрицательно, считая, что кузнецкие инородцы – татаро-шорцы – экономически тяготеют к Томской губернии, с Ойротской автономной областью у них нет удобных путей сообщения и бытовой связи, а две из четырех намеченных к передаче волостей на 47 % населены русскими.

Решающим фактором, определившим отношение Томского губисполкома к этому вопросу, являлась перспектива развития богатого полезными ископаемыми Кузнецкого бассейна, нарушать хозяйственную целостность которого было признано нецелесообразным. Одновременно было рекомендовано при волостном районировании губернии «учитывая этнографические и бытовые особенности татаро-шорцев, резко отличающие их от русского населения» [9] объединить всех татар-шорцев и выделить их в особую административную единицу.

В результате районирования в Кузнецком округе был выделен Кондомский район, состоявший из 8 сельсоветов, объединивших бывшие Кондомскую, Верхнекондомскую и Мрасскую волости с преобладанием шорского населения (77 %). Признавалось, что этот район «экономически тяготеет как к Кузнецку, так и к Бийску» [9]. Центром района было намечено село Кондомское. Кузнецкая, Томская и Кузедеевская волости со смешанным русско-шорским населением, были объединены в Кузнецкий район. При проведении районирования учитывалось мнение шорцев.

5 – 9 июля 1924 г. в с. Кузедеево Кузнецкого уезда состоялся Татаро-шорцевский горно-районный съезд. Делегатами съезда являлись учителя, представители волостных исполкомов и сельсоветов. Из 43 делегатов 40 были шорцами. Из-за плохого знания русского языка делегатами съезда проводился на шорском языке, а русских делегатов, не владеющих шорским языком, отпустили со съезда.

На съезде было принято решение организовать единый Татаро-Шорцевский горный район с правами и привилегиями округа. Я. К. Тельгерекоев аргу-

ментировал необходимость создания района тем, что «Томская волость, являясь русским районом, не будет в состоянии уделить работников... для национальных нужд» [9], а от этого «страдают культурно-экономические интересы шорцевского населения» [9]. В состав района должны были войти полностью Кондомский район, а также Томская и Кузедеевская волости Кузнецкого района. Материалы съезда после утверждения Президиумом Кузнецкого исполкома были направлены в Томский губисполком.

Во время работы съезда встал вопрос о причинах, по которым шорцы всех улусов Томской волости не захотели во время районирования присоединиться к Кондомскому району. Делегаты от этого района объяснили данный факт тем, что они не поняли, что такое районирование, а «писали приговоры русские» [9].

Между тем обсуждение вопроса о присоединении шорцев к Ойротии продолжалось. Так, в августе 1924 г. в Томский губернский исполнительный комитет (губисполком) пришел запрос от Сибревкома с настоятельным требованием вновь рассмотреть предложения Ойротского облисполкома от 1923 г. о присоединении части территории Кузнецкого уезда, населенной шорцами, к Ойротии. Президиум Томского губисполкома постановлением от 20 августа 1924 г. признал возможным передать Ойротской автономной области Кондомский район как тяготеющий экономически к городу Бийску и имеющий сходные природные условия. Бывшая Томская волость, экономически связанная с городом Кузнецком, должна была остаться в Томской области [9]. Таким образом, только половина всех шорцев должна была отойти к Ойротии. 23 августа 1924 г. это постановление было отправлено в Сибревком и Наркомнац, но вскоре после того, как были получены решения Татаро-шорцевского съезда, отменено.

25 августа 1925 г. Сибревком, опираясь на материалы Татаро-шорцевского съезда, принял решение ускорить образование в южной части Томской губернии национального района и избрать для этих целей ревком в составе трех человек: председателя Ф. К. Тельгерекоева, членов ревкома Л. А. Иванова и Ф. М. Токмашева. Под их руководством 1-8 октября 1925 г. в улусе Мыски прошел Первый съезд Советов Горной Шории. На нем был избран Горно-Шорцевский райисполком (председатель Ф. К. Тельгерекоев, секретарь П. Н. Кадымаев) и выработана программа национального развития и социалистического переустройства всей социально-экономической и культурной жизни района [10].

Законодательно выделение Горно-Шорского района было закреплено декретом ВЦИК «Об образовании в составе Кузнецкого округа Сибиряк национального Горно-Шорцевского района» от 12 апреля 1926 года [11]. Общая площадь образованного района составила 30 тыс. кв. км. Численность населения – 23 тыс. чел., из них 16 тыс. шорцев, 5 тыс. русских, 2 тыс. мордвы [12], т. е. район был национальным на 75 %. Создание района привело к закреплению за проживающими на территории района шорцами этнической территории, что, в свою очередь, является условием формирования этноса.

Среди причин создания Горно-Шорского района нужно выделять, с одной стороны, политико-административные, с другой – предположения о присущем населению этого района этнокультурному своеобразию, которое для 1920-х гг. являлось «научно обоснованным заблуждением» [13].

Создание района имело целый ряд последствий. Во-первых, произошло закрепление за шорцами этнической территории, что является обязательным условием формирования этноса; во-вторых, шорцы были административно выделены из общего массива тюрков Алтая; в-третьих, были созданы условия для завершения процессов этнической консолидации родовых групп кузнецких татар и складывания на их базе шорской народности.

В качестве этнонима за автохтонным населением, проживавшим на территории Кузнецкого уезда, был закреплен научный термин «шорцы». В закреплении за национальным районом названия «Шорский», а за коренным тюрко-язычным населением – «шорцы» важную роль сыграла Комиссия по изучению племенного состава народов СССР, Сибирский отдел которой возглавлял этнограф Л. Штернберг, ученик академика В. В. Радлова.

Однако этноним «шорцы» в 1920-е гг. не использовался населением для обозначения себя «своим». «Обычно инородцы называют себя по сеоку, а не шорцами» [14], – отмечала в полевом дневнике Н. П. Дыренкова. В то же время для обозначения себя «чужим», в том числе государству, кузнецкие татары-шорцы очень быстро стали использовать официальное название, закрепленное за ними – «шорцы». Искусственное перенесение самоназвания одного из родов – «шорцы» – на целую группу родов в качестве этнонима во многом определило характер консолидационных процессов, идущих в их среде.

В целом в создании Горно-Шорского района нашла отражение такая особенность национально-государственного строительства в СССР, как опережение административно-политического оформления этносов по сравнению с естественным процессом их консолидации. В результате административных усилий государства возникали достаточно аморфные национально-территориальные образования с неоформленным этническим самосознанием и, как следствие, с преобладанием центробежных тенденций.

В свете вышесказанного становится понятным, почему уже в 1926 г. остро встал вопрос о «сохранении целостности национального района» [12]. Население Кондомской и Верхне-Кондомской волостей, где проживало 13 тысяч шорцев, требовало присоединить их к Бийскому округу, который был к ним ближе и с которым у него были экономические связи. Население же Кузедеевской волости, с 3 тысячами шорцев, выражало желание присоединиться к Кузнецкому округу.

Руководство национального района пыталось преодолеть кризис за счет перенесения районного центра из улуса Томзак (Мыски), находившегося на окраине района, в улус Осиновский или в село Кузедеево. Из двух возможных вариантов предпочтение отдавалось шорскому улусу Осиновский. Это

«предпочтение» объяснялось довольно просто: в связи с планируемым строительством Тельбесского завода (в дальнейшем превратившегося в Кузнецкий металлургический комбинат) должна была начаться и разработка Осинниковского каменноугольного рудника. Это, в свою очередь, предполагало прибытие рабочих, «которые помогут нашему экономически и культурно отсталому району подняться на ноги» [12]. Однако рабочие могли быть только представителями других национальностей и, в первую очередь, русскими. Это должно было с неизбежностью привести к изменению соотношения численности автохтонного и пришлого населения. В то же время перспективы использования шорцев в индустриальном производстве вызывали у руководства района большие сомнения: «Шорец закоренелый охотник и его никак не заставишь пойти в шахту работать, и охота для него первое занятие...» [12].

Обращает на себя внимание то, что руководство Горно-Шорского района, то есть национальная элита, в своем стремлении преодолеть кризис руководствовалось интересами всего «шорского народа». Оно признавало неправильным то, что «...одни говорят, что уйдут в Хакасскую область, другие в Бийский округ, третьи в Кузнецкий район и т. д.» [12]. При этом, руководители района с сожалением констатировали, что «куда ни перенеси резиденцию района, то всюду получится одинаково» [12].

Создание Горно-Шорского национального района явилось реализацией на практике принципов национальной политики большевиков в отношении коренных малочисленных народов. Важным итогом создания таких национально-территориальных образований явилось административное оформление этносов на базе родоплеменных групп с административным же закреплением за вновь созданными этносами этнонимов. В свою очередь, наличие этнонима является не только обязательным, но и, нередко, единственным признаком этноса, вполне достаточным для признания социальной группы группой этнической. По сути, национально-государственное строительство большевиков являлось нациестроительством, так как итогом его явилось административное выделение этносов в границах административных образований. Со временем административные границы стали рассматриваться как границы этнические.

Литература

1. Программа Российской Социал-Демократической Рабочей партии, принятая на II съезде партии [Текст] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. – Т. 1. – С. 59 – 65.
2. Нам, И. В. Национально-культурная автономия как форма регулирования положения меньшинств [Текст] / И. В. Нам // Развитие межнациональных отношений и национально-культурного движения в Сибири: опыт, перспективы: материалы межрегион. науч. конф. – Томск, 2002. – С. 92 – 99.

3. Наумова, Н. И. Национальные земства в Сибири (1918 – 1920 гг.) [Текст] / Н. И. Наумова // Развитие межнациональных отношений и национально-культурного движения в Сибири: опыт, перспективы: материалы межрегион. науч. конф. – Томск, 2002. – С. 99 – 115.
4. Чешко, С. В. Кризис доктрины самоопределения [Текст] / С. В. Чешко // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 7 – 16.
5. Садовой, А. Н. Народы Южной Сибири в XIX – XX вв.: этносоциальные аспекты патернализма [Текст] / А. Н. Садовой: автореф. дис.... д-ра. ист. наук. – СПб., 2000. – 42 с.
6. Демидов, В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири 1917 – 1923 гг. [Текст] / В. А. Демидов. – Новосибирск: Наука, 1983. – 316 с.
7. ГАТО. – Ф. Р.317. – Оп. 1. – Д. 16. – № 1.
8. Конзычаков, С. Культурно-исторический очерк об алтайцах. (К вопросу о выделении автономной области «Ойрат») [Текст] / С. Конзычаков // Сибирские огни. – 1922. – № 11. – С. 109 – 115.
9. ГАТО. – Ф. Р.480. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1 – 69.
10. Кимеев, В. М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. [Текст] / В. М. Кимеев. – 1989: Кемеровское книжное издательство. – 189 с.
11. Об образовании в составе Кузнецкого округа Сибиря Nationalного Горно-Шорцевского района // Собрание Указаний Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – М., 1926. – № 23. – С. 179. – Отд. 1.
12. ГАКО. – Ф.Р. 22. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 342 – 349.
13. Шерстова, Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII – XIX вв. [Текст] / Л. И. Шерстова. – Томск, 1999. – 320 с.
14. Дыренкова Н. П. Из полевого дневника за 1925 год [Текст] / Н. П. Дыренкова // Шорский сборник. Вып. 1: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории: межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1994. – С. 118 – 124.